

РУНИЧЕСКАЯ НАДПИСЬ НА ХУМЕ ИЗ ФЕРГАНЫ

На протяжении ряда лет на городище Кува (Ферганская область) ведутся археологические исследования буддийского храма и жилого комплекса, датированных VII в. н. э.¹ Оба объекта расположены на небольшом теле к северу от основного городища.

Буддийский храм с фрагментами великолепной глиняной скульптуры представляет собой два сомкнутых помещения. Одно из них (квадратное) — святилище, другое (прямоугольное) — собственно храм. Оба помещения имеют единый главный фасад, обращенный на юг. Выступ холма, увенчанный храмом, обработан гигантскими ступенями и высятся над окружающей местностью, создавая впечатляющий образ отрешенного величия буддийской религии.

Архитектура храма и святилища пред-

ставляла триединство с монументальной живописью и скульптурой.

ставляла триединство с монументальной живописью и скульптурой.

Композиционным центром каждого помещения была платформа; в святилище она служила для ритуальных церемоний, а в храме — подиумом для гигантской статуи Будды и его свиты. По периметру храма в нишах, на фоне стеновой росписи, размещались статуи божеств буддийского пантеона в различных (то гневных, то милостивых) проявлениях своей сущности.

Можно предположить, что фрагменты скульптуры, лежавшие толстым слоем на полу храма, объединялись одним сюжетом, как это было в буддийских храмах Афганистана, Индии, Восточного Туркестана. Куванский храм, как и расположенный неподалеку жилой комплекс, погиб в результате нашествия арабов на Фергану в VIII в.² Погибший в огне пожара, покинутый жителями в первой четверти VIII в., он как бы вновь оживает теперь под руками археологов.

Несколько южнее храма располагается небольшое поселение. Как пчелиные соты, лепятся друг к другу комнаты, составляя дома и кварталы, прорезанные в нескольких направлениях узкими улочками.

Жилые дома, как правило, имели 2—3 комнаты. Одна из них, самая большая, была парадной. В ней вдоль стен тянулись широкие суфы, а в середине находился обогреватель — жаровня с углями. Перекрытие такой комнаты осуществлялось из дерева по системе «чор-хона», а в остальных комнатах перекрытия были сводчатыми.

Наличие лесенок во многих помещениях, большая толщина пахсовых стен, огромное количество сгоревших балок, жердей и камыша позволяют предположить существование второго (каркасного) этажа.

Инвентарь, найденный в комнатах, состоит в основном из бытовой керамики — кувшины для воды различной емкости,

тых на городской бойне Ташкента, сведения о которой также не были включены в «Обзор» за 1912 г.

¹⁰ В. Е. Загорская и К. А. Александр, указ. соч., табл. XII; Обзор Самаркандской области за 1908 г., Самарканд, 1910, прилож. № 16.

¹¹ Союз рабочего класса и трудового дайханства Туркменистана в период Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны (1917—1920 гг.). Документы и материалы, Ашхабад, 1957, стр. 12 (данные за 1915 г.).

¹² В. В. Загорская и К. А. Александр, указ. соч., табл. XV; Обзор Семиреченской области за 1912 г., Верный, 1914, стр. 78—79.

¹³ Статистический ежегодник, 1917—1924 гг., т. II, ч. I, стр. 42.

¹⁴ Обзор Сыр-Дарьинской области за 1913 г., Ташкент, 1916, стр. 87—88; Статистический обзор Ферганской области за 1913 г., Скобелев, 1916, стр. 56—58; Статистический обзор Ферганской области за 1911 г., Скобелев, 1914, стр. 38—41; Обзор Закаспийской области за 1912—1913—1914 гг., Ашхабад, 1916, стр. 86—89.

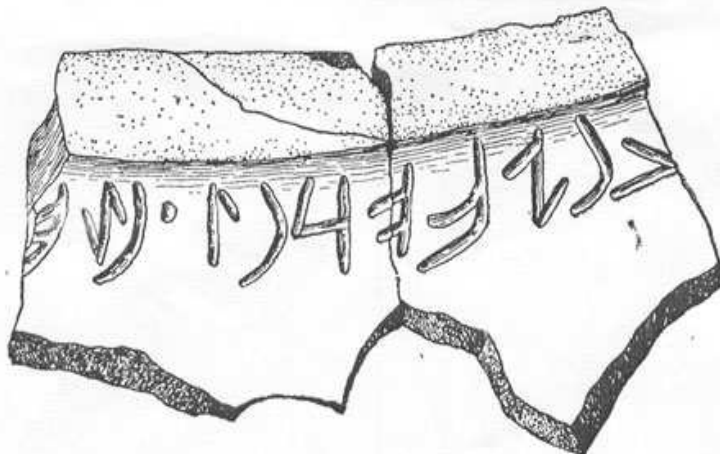
¹⁵ Археологические раскопки велись археологами В. А. Булатовой и Д. П. Вархотовой; научный руководитель проф. Я. Г. Гулямов.

¹⁵ К. З. Фитерман, указ. статья, стр. 90.

¹⁶ В. А. Булатова-Левина, Буддийский храм в Куве, Советская археология, 1961, № 3.

чашки с ручками, пиалы, хумы, хумча, кухонные горшки. В одной из комнат найдено уникальное настенное блюдо. Металлические изделия из железа и меди разнообразны по составу: здесь и оружие (стрелы, копьё, книжалы), и бытовые предметы (ножи, ложки, штыри, гвозди с большими шляпками), и украшения (серьги, кольца и т. д.). В одной из комнат найден медный штамп с изображением Куверы².

В период полевых работ 1964 г. нашими раскопками обнаружена небольшая, еще не полностью раскрытая площадь, в которую вливаются улочки. На южном участке этой площади, среди обломков нескольких хумов, лежавших на дневной поверхности VII в., были обнаружены два фрагмента венчика хума с рунической надписью, выполненной до обжига тонкой палочкой по мягкой глине (см. рис.).

Довольно многочисленны находки бус и вставки из хрусталя, изумруда, халцедона и заготовок для печатей (геммы). Комплекс и находки датируются, в общей совокупности, VII—VIII вв., что подтверждается и пумизматическим материалом.

Монеты, найденные в слое над полом, можно разделить на две группы. К первой относятся монеты диаметром 21—23 мм с квадратным отверстием в центре и четким рельефным ободком по краю отверстия и окружности. На лицевой стороне надпись «хакан» и знак местных правителей Ферганы (не имеющий никаких аналогий со знаками правителей Согды и Шаша). Монеты выполнены техникой отливки в одностороннюю форму с последующей проработкой деталей.

Вторая группа — монеты диаметром 11—16 мм тоже с отверстием, но без надписей и также отлитые в односторонних совмещенных формах. Подквадратное отверстие занимает большую часть кружка. На гуртике часто видны следы разуба монет без зачистки или излишки вытекшего металла. Небрежность отделки и разномерность монет свидетельствуют о том, что они имели только местное хождение и обладали малой номинальной стоимостью. Монеты датированы канд. ист. наук О. И. Смирновой (Ленинград) концом VII в.

² В. А. Булатова, Медный штамп из Кувы, История материальной культуры Узбекистана, вып. IV, Ташкент, 1963, стр. 110—115.

Надпись состоит, видимо, из двух слов, так как между двумя неравными группами знаков есть разделительная точка. Однако надпись неполная, так как одно слово не имеет начала, а другое — конца. Всего в надписи насчитывается 11 знаков (в одной группе три знака, в другой — восемь). Очень четкая надпись, выполненная уверенной рукой грамотного мастера, напоминает по манере исполнения надписи из замка Ошхона (Ферганский район)⁴ и Калан-Боло (Исфаринский район).

Такого рода находки на территории Узбекистана встречаются еще очень редко и потому каждая из них становится объектом тщательного изучения⁵.

⁴ Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский, Археологический очерк Исфаринского района, Труды АН ТаджССР, т. XXXV, 1955, стр. 121; А. Н. Бернштам, Древнетюркские рунические надписи из Ферганы, Эпиграфика Востока, т. XI, М.—Л., 1956, стр. 56, рис. 2. С. Г. Кляшторный называет это «классическим» вариантом рунического письма (см. его «Древнетюркская руническая надпись на бронзовом перстне из Ферганы», Археологические работы в Таджикистане в 1957 г., Труды АН ТаджССР, т. III, вып. V, 1959, стр. 167—168).

⁵ Одна надпись найдена С. К. Кабановым на Фархадстрое. (См. его «Археологические находки на Фархадстрое», Известия АН УзССР, 1948, № 5, стр. 77, рис. 4; А. Н. Бернштам, указ. соч., стр. 55).

Тюркологи делят памятники древнетюркской рунической письменности на семь региональных групп, в числе которых имеется и среднеазиатская, распадающаяся на семиреченскую и ферганскую подгруппы⁶.

Интересующая нас ферганская подгруппа содержит пока всего пять надписей-меток на бытовой керамике и перстне: на хумах из Калаи-Боло, Калаи-Кафир, Ошхона (Южная Фергана), на щитке бронзового перстня из Муг-хона (Северная Фергана) и на венчике из Мыль-кургана (Керкидонский оазис). Все эти надписи датируются исследователями в пределах V—VIII вв.⁷

Надпись, найденная в Куве, несколько дополняет ферганскую подгруппу. Правда, это тоже не исторический текст, а лишь метка на хуме, которая, возможно, означает имя владельца, меру емкости сосуда или благожелание, однако у нее есть одно несомненное достоинство — она точно датируется всем комплексом находок, т. е. концом VII в.

Наша надпись в совокупности со всеми другими находками подобного рода может служить материалом для лингвистов-тюркологов, историков и антропологов, изучающих этногенез народов Средней Азии. В настоящее время руническая надпись из

Кувы передана специалистам для расшифровки.

Необходимо отметить, что за весь предшествующий период археологических работ в Куве до 1964 г. там не было обнаружено ни одного памятника рунической письменности. Наша находка, как бы ни была она интересна сама по себе, все же не может дать оснований для выводов о распространенности тюркской письменности не только в Северной, но и в Южной Ферганае, как это сделал в свое время А. Н. Бернштам⁸.

Исследователи Исфаринского района, публикуя надписи с Калаи-Боло и Калаи-Кафир, обращали внимание на их малочисленность и указывали на возможность передачи руническими письменами не тюркской, а иранской речи, а также на возможность лексических заимствований. В Кувинском районе наряду с руническими надписями мы находим и синхронный нумизматический материал — монеты VII в с согдийскими надписями. Но даже если учесть, что титулатура, упоминаемая на монетах, тюркского происхождения, можно сделать вывод, что местное население играло важную роль в политической и экономической жизни района.

В. А. Булатова